

Правомысліе и свободомысліе

(Къ спорамъ о христіанствѣ и свободѣ).

I.

Диспутъ Религіозно - Философской Академіи съ П. Н. Милюковымъ даетъ поводъ вновь поставить вопросъ о взаимоотношеніи христіанства и свободомыслія. Сторонниковъ свободомыслія беспокоитъ поворотъ къ христіанству въ ихъ собственныхъ рядахъ. И возникаютъ споры о томъ, можетъ ли человѣкъ «лѣваго» направленія, адептъ свободы, прогресса, социализма, быть христіаниномъ и православнымъ. Намъ, православныхъ христіанъ, этотъ вопросъ тоже интересуеть, но совсѣмъ съ другой стороны, — намъ интересно, какъ изнутри христіанства опредѣляется отношеніе къ свободѣ мысли и что означаетъ прогрессъ съ христіанской точки зрѣнія. При чемъ заранѣе нужно сказать, что для насъ всѣ эти принципы свободы, прогресса, социализма подлежатъ суду христіанства, а не христіанство ихъ суду.

Когда ставится вопросъ объ отношеніи христіанства къ свободѣ мысли, который и будетъ насъ специально интересовать, то подходъ къ нему возможенъ съ двухъ совершенно разныхъ точекъ зрѣнія. Можно стать на чисто историческую точку зрѣнія и изслѣдовать, какія фактически были взаимоотношенія между христіанствомъ и свободой мысли въ исторіи. Когда эта точка зрѣнія признается исключительной и высшей, то мы имѣемъ дѣло съ историзмомъ. Но историзмъ не можетъ никакого вопроса рѣшить принципиально. Историзмъ всегда находится во власти релятивизма и не проникаетъ въ сущность вещей, ему не раскрывается смыслъ. Историзмъ есть подавленность эмпиріей. Но возможенъ другой подходъ къ вопросу — съ точки зрѣнія раскрытія цѣнности и смысла. Огромную заслугу нѣмецкой идеалистической философіи, несмотря на всѣ ея дефекты, нужно видѣть въ объективномъ различе-

ніи этихъ двухъ точекъ зрѣнія и въ утвержденіи правъ философскаго изслѣдованія цѣнности и смысла. Цѣнность и смыслъ вещей не опредѣляются ихъ генезисомъ и исторіей. Правда, нѣмецкій идеализмъ не доходилъ до подлинно онтологическаго изслѣдованія цѣнности и смысла, но онъ все же освобождалъ отъ кошмарной власти историзма. Противники христіанства обычно паходятся во власти этого дурного историзма, они подавлены исторической эмпиріей. Для такого рода историзма рѣшающее значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что христіанская исторія наполнена насиліями надъ свободой мысли, преслѣдованіями философовъ и ученыхъ, принужденіями въ дѣлахъ вѣры. Человѣческіе грѣхи, столь искажавшіе христіанство въ исторіи, заслоняютъ для нихъ божественную истину христіанства. Христіанство въ его цѣнности и смыслѣ исчезаетъ для нихъ вслѣдствіе того, что они подавлены христіанами, явленными въ грубой исторической эмпиріи. Я не считаю для нашей темы принципиальнымъ и существеннымъ вопроеь о христіанскихъ насиліяхъ надъ мыслью и вѣрой. Церковь не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ орудій насилія, она можетъ ихъ заимствовать лишь у государства. И потому вопросъ этотъ, столько безпокоющій людей внѣшнихъ для христіанства, долженъ быть отнесенъ къ другой темѣ, темѣ объ отношеніяхъ Церкви и государства. Съ чисто христіанской, церковной точки зрѣнія не допустимы насилія въ дѣлахъ вѣры, внѣшнія, насильственные ограниченія свободы мысли, недонустимо пользование орудіями государственнаго принужденія въ духовной жизни. Но вопросъ этотъ долженъ быть отклоненъ при обсужденіи нашей темы. Да и въ наше время вопросъ этотъ является анахронизмомъ. Мы живемъ въ эпоху, когда не христіане совершаютъ насиліе, а надъ христіанами совершаютъ насиліе, когда христіанская вѣра не преслѣдуется, а преслѣдуется. Христіане никого уже не могутъ сажать въ тюрьмы и казнить, скорѣе ихъ будутъ сажать въ тюрьмы и казнить. Въ Россіи сейчасъ христіанъ сажаютъ въ тюрьмы, казнятъ и принуждаютъ къ материалистическому образу мыслей. Во Франціи, гдѣ никого не сажаютъ въ тюрьмы и не казнятъ за вѣру и мысли, гдѣ есть внѣшняя свобода, внутренне христіанство гонимо. Въ Сорбоннѣ католикъ не можетъ быть профессоромъ. Господствующее общественное мнѣніе утѣсняетъ церковь и вѣру, преслѣдуетъ ее презрѣніемъ и пасмѣшкой. И такъ, пови-

димому, почти во всемъ мірѣ. Если и возможна гдѣ-нибудь временная реакція, въ которой христіане соблазняются насиліемъ, то врядъ ли она будетъ длительной и она не можетъ имѣть принципиальнаго значенія. Христіанство вступаетъ въ эпоху очищенія отъ историческихъ соблазновъ и срывовъ, въ эпоху выявленія своей чистой сущности, обнаруженія своего подлиннаго смысла. Меня будетъ интересоватъ вопросъ о внутреннемъ отношеніи христіанства и свободомыслія.

Христіанство признаетъ въ принципѣ свободу мысли, но отрицаетъ «свободомысліе». Свобода мысли и свободомысліе должны быть рѣшительно различаемы. Свободомысліе есть лишь одно изъ порожденій свободы мысли, и порожденіе, не рѣдко отмѣняющее самую свободу мысли. Свободомысліе есть то, къ чему свобода мысли можетъ придти, но свобода мысли можетъ придти и къ м.росозерцанію противоположному свободомыслію. Свобода мысли можетъ меня привести къ истинѣ христіанства. И тогда невозможно возражать противъ моего христіанства съ точки зрѣнія свободы мысли. Откуда слѣдуетъ, что матеріализмъ порожденъ свободой мысли, а христіанство порождено несвободой мысли, насиліемъ надъ мыслью? Это есть ни на чемъ не основанный предрассудокъ «свободомыслящаго» общества, христіанству враждебнаго. Въ своей христіанской вѣрѣ и христіанской мысли я не чувствую себя ничѣмъ и никѣмъ насилуемымъ, я чувствую себя вполне свободнымъ. Никогда христіанская вѣра не смотрѣла на человѣка, какъ на автоматъ, — она предполагаетъ свободу моего духа и требуетъ усилій моей свободной совѣсти. Мы, христіане, не рабы, а сыны. Мы не подъ закономъ, но подъ благодатью. Мы куплены дорогой цѣной и не должны дѣлаться рабами человѣковъ. Мы должны стоять въ свободѣ, дарованной намъ Христомъ, и не подвергаться опять игу рабства. Мы призваны къ свободѣ. Гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода. Все-му этому учитъ насъ Апостоль Павелъ. Но наша христіанская свобода представляется рабствомъ для людей внѣшнихъ и враждебныхъ, для исповѣдующихъ религію свободомыслія.

Адепты и фанатики свободомыслія думаютъ, что они опираются на науку, что они только и хранятъ свободу науки. Но самое понятіе науки у нихъ двусмысленно. Наука въ ихъ смыслѣ, какъ будто бы, не допускаетъ никакого

насилія надъ собою извнѣ, отъ чужихъ ей началъ, она автономна, она знаетъ лишь свой собственный законъ. Но сама наука свободомыслящихъ совершаетъ величайшія насилія надъ свободой и мыслью людей, она требуетъ абсолютнаго себѣ повиновенія. Ибо она есть уже не наука въ строгомъ и точномъ смыслѣ слова, а міросозерцаніе, а философія и религія, вѣра свободомыслящихъ, она призвана замѣнить христіанство. Въ дѣйствительности наука не есть «свободомысліе» и ученые совсѣмъ не обязаны быть «свободомыслящими». Наука не есть міросозерцаніе, не есть догма, не есть философія или религія. Наука есть великая цѣнность, но религія науки есть великая ложь. Великій ученый можетъ быть не «свободомыслящимъ», а вѣрующимъ христіаниномъ, и это не мѣшаетъ ему дѣлать великія открытія. Таковъ былъ Пастеръ, который былъ вѣрующимъ католикомъ. И Пастеръ былъ болѣе великимъ ученымъ, чѣмъ Бюхнеръ или Маншоттъ. Вѣрующимъ былъ и Ньютонъ. Адепты свободомыслія обычно совершаютъ насилія надъ наукой, ихъ вѣра насилуетъ науку. И они обычно называютъ наукой лишь то, что благопріятно ихъ міросозерцанію. Если біологъ приходитъ къ механическому объясненію явленій жизни, то онъ объявляется свободнымъ ученымъ, и наука его полннно свободной наукой. Но если біологъ приходитъ къ витализму, то наука его считается уже не свободной, зависящей отъ какихъ то вѣрованій и ученій. Но почему это такъ, откуда это? Почему сторонникъ витализма Дришъ менѣе свободный ученый, чѣмъ Геккель, почему наука его не есть свободная наука? Ясно, что свободной наукой называется лишь та наука, которая подчинена опредѣленному міросозерцанію, міросозерцанію «свободомыслящихъ», т. е. какъ разъ зависящая наука, испытывающая на себѣ диктатуру механистическаго, матеріалистическаго или позитивистическаго міросозерцанія. Только коммунисты въ совѣтскомъ строѣ сдѣлали отсюда послѣдніе выводы. Наука организуется людьми опредѣленнаго міросозерцанія и опредѣленной вѣры, «свободомысліе» превращается въ опредѣленную догму. Если вы дарвинистъ, то вамъ предоставляется свобода и наука ваша поощряется, но, если вы ламаркистъ, то васъ сажаютъ въ тюрьму. Если вы матеріалистъ, то можете читать лекціи въ университетѣ, но если вы идеалистъ или спиритуалистъ то васъ изгоняютъ. «Свободомыслящіе» Западной Евро-

ны до этого еще не додумались и не дошли, но принципиально они стоятъ на томъ же. И такъ оно и должно быть. «Свободомысліе» совсѣмъ не есть свобода мысли и свобода науки, наука сама по себѣ свободна отъ міросозерцанія, она не должна быть связана ни съ какой догмой, она не рѣшаетъ вопроса о сущности и смыслѣ міра. «Свободомысліе» же есть догма, догматическая вѣра и догматическое міросозерцаніе, исключительное и нетерпимое, склонное къ угѣснѣнію инакомыслящихъ. Въ «свободомысліи» свобода мысли окостенѣваетъ въ догматизмъ, ибо не возможно удержаться на формальной свободѣ мысли. И догматизмъ «свободомыслія» враждуетъ противъ христіанства и религіи. Догма свободомыслія идетъ отъ просвѣщенія XVIII вѣка, отъ воинствующаго раціонализма, который хотѣлъ раздавить христіанство. Наука же шла своимъ путемъ, свободнымъ отъ воинствующаго раціонализма просвѣщенія. Сама же свободная мысль переходитъ въ началѣ XIX вѣка совсѣмъ къ другимъ умственнымъ и духовнымъ теченіямъ, враждебнымъ «свободомыслію». Такъ романтическія, идеалистическія и религіозныя теченія начала XIX вѣка, какъ и начала XX, были явленіемъ свободной мысли, но не «свободомыслія». «Свободомысліе» въ началѣ своемъ было аристократично и индивидуально, но потомъ оно стало демократично и тогда оно и превратилось въ догму.

Свободомысліе давно уже перестало быть свободной мыслью, оно окостенѣло и догматизировалось. И классическое свободомысліе, идущее отъ XVIII вѣка, не соответствуетъ творческимъ умственнымъ и духовнымъ теченіямъ конца XIX и начала XX в. Уже романтическое движеніе начала прошлаго вѣка нанесло принципиальныя удары свободомыслію и просвѣтителству. И движеніе это было творческимъ и въ лучшемъ смыслѣ слова «прогрессивнымъ», оно оплодотворило всю мысль XIX вѣка. Безъ него былъ бы невозможенъ и К. Марксъ, который лишь одной своей стороной восходитъ къ просвѣтителскому свободомыслію. Просвѣтителское свободомысліе есть по сущности индивидуализмъ и либерализмъ. Соціализмъ же представляетъ собою уже явленіе усложненное. Сенъ-Симонъ, первый соціалистическій мыслитель XIX в., не былъ представителемъ индивидуалистическаго свободомыслія. То же нужно сказать и объ О. Контѣ, который по типу своему былъ средневѣковымъ человѣкомъ въ XIX вѣкѣ.

Лишь въ началѣ новаго времени, когда страшно расширились горизонты познанія и появились смѣлые новаторы, когда нужно было бороться за свободу мысли и претерпѣвать за нее мученія, свободомысліе было творческимъ и въ немъ была подлинная свобода мысли. Уже въ XVIII вѣкѣ свободомысліе мѣняется и въ немъ проявляется властолюбіе антирелигіознаго міросозерцанія. Духъ Вольтера и энциклопедистовъ уже очень отличается отъ духа Галилея и ученыхъ и мыслителей Ренессанса. Съуженіе и искаженіе традиціи, истолкованіе ея въ духѣ авторитарномъ и внѣшнемъ — вызвало протестъ и борьбу свободной мысли. Мысль не можетъ быть не свободной въ своемъ зарожденіи. Но вѣдь и за самой традиціей, понятой внутренне и духовно, скрыта свободная духовная жизнь. Просвѣтительское свободомысліе хочетъ разорвать связь времени, оно имѣетъ паѳосъ истребленія прошлаго, оно есть самоутвержденіе современнаго поколѣнія, которое мнитъ себя исключительнымъ носителемъ разума и свѣта. Прошлое для него погружено во мракъ, свѣтъ возгорается лишь въ современномъ поколѣніи, стоящемъ на высотѣ исторіи. Поэтому просвѣтительскій разумъ свободомыслія всегда есть индивидуализмъ, это есть разумъ, оторвавшійся отъ историческаго разума, отъ разума отцовъ и дѣдовъ, отъ прежнихъ эпохъ. Но поэтому онъ есть разумъ съуженный, умаленный, самодовольный, разумъ отвлеченный, не цѣлостный, рассудокъ, а не разумъ. Такой разумъ глубоко противенъ духу христіанства. Не потому, что христіанство враждебно разуму, а потому, что христіанство знаетъ иной, высшій разумъ, разумъ просвѣтленный, цѣлостный, разумъ не только личный, но и сверхличный. Споръ христіанства и свободомыслія не есть споръ враговъ и друзей разума, а есть споръ о здоровьѣ, просвѣтленности и качествѣ самаго разума. Просвѣтительскій, свободомыслящій разумъ есть разумъ нездоровый, оторванный отъ цѣлостной жизни, отъ духовнаго преемства и потому для него закрыты горизонты бытія. Этотъ разумъ никогда не былъ въ состояніи понять тайны исторіи, тайны религіозной жизни народовъ, и онъ искажилъ науку XIX и XX вѣковъ. Искаженіе это особенно явственно въ наукахъ о духѣ, въ наукахъ о культурѣ. Безъ романтическаго движенія, которое возстало противъ этого просвѣтительскаго разума, науки историческія, науки о духѣ и о культурѣ не могли бы даже возникнуть. Если въ свободной мыс-

ли Ренессанса у мысли человѣческой выросли крылья, то въ догмѣ свободомыслія крылья человѣческой мысли были подрѣзаны, мысль стала ползучей, притягиваетъ внизъ, насилуетъ свободу мыслей. И мы вступаемъ въ новый вѣкъ, когда борьба за свободу мысли, за творчество будетъ борьбой противъ свободомыслія, противъ диктатуры просвѣтительскаго разума, когда явятся мученики борьбы противъ свободомыслія. Свободомыслію принадлежитъ сейчасъ господство и власть, но духовно оно принадлежитъ устарѣвшему вѣку. Аристократія духа и мысли уже не съ свободомысліемъ, она возвращается къ духовной традиціи, къ органической цѣлостности разума.

Особенно сложенъ вопросъ о свободѣ мысли у насъ въ Россіи. Русское свободомысліе и пресвѣтительство по свойствамъ русскаго характера всегда имѣли тенденцію превращаться въ нигилизмъ. Это есть болѣзнь русскаго духа. Настоящей творческой свободы мысли нужно у насъ искать въ другомъ мѣстѣ. Даже у К. Леонтьева было больше свободы и дерзновенія мысли, чѣмъ у Чернышевскаго, не говоря уже о такихъ людяхъ, какъ славянофилы, какъ Достоевскій, какъ Вл. Соловьевъ. Русское свободомысліе всегда принимало характеръ сектантскій и нетерпимый. Въ немъ никогда не было широты и открытости, въ немъ всегда чувствовалось подполье. Наши традиціонныя «лѣвыя» интеллигентскія направленія никогда не имѣли пафоса свободы мысли. Адепты его пресѣкали всякую свободу мысли въ томъ случаѣ, если она могла привести не къ тому, во что они вѣрили и что исповѣдывали, какъ истину единоспасающую. Къ самой наукѣ въ этихъ теченіяхъ никогда не существовало свободнаго отношенія. Наука была идеаломъ, которому поклонялись, но не была свободнымъ изслѣдованіемъ истины. Русскій нигилизмъ по природѣ своей всегда былъ догматическимъ, онъ не былъ ни критическимъ, ни скептическимъ. Свободомысліе было у насъ догматическимъ міровоззрѣніемъ и вѣрой, оно не походило не только на подлинную свободу мысли, но и на свободомысліе Вольтера. Русское нигилистическое свободомысліе никогда не допускало свободы мысли метафизической и религіозной, какъ не допускало и свободы художественнаго творчества. Когда свободная мысль обращалась къ метафизикѣ или къ религіи, то оно объявляло ее безнравственной и антисоціальной, враждебной благу народа и готово было пресѣкать и гнать ее. Только пото-

му и могла у насъ создаться благопріятная почва для гоненія и преслѣдованія свободы мысли въ коммунистическомъ строѣ. Уже у Бѣлинскаго были благопріятныя для этого предпосылки. Въ 60-ыхъ годахъ философія Юркевича, какъ и многихъ профессоровъ нашихъ Духовныхъ Академій, была гораздо болѣе высокаго качества и гораздо болѣе свободной, чѣмъ философія Чернышевскаго, но она была гонима и преслѣдуема нашимъ нигилистическимъ просвѣтителствомъ и не могла дойти до сознанія нашего общества. Русскій нигилизмъ всегда былъ обскурантизмомъ. То отрицаніе свободы мысли, которое давно уже обнаружилось въ свободомысліи на Западѣ, у насъ только приняло болѣе рѣзкія формы. И намъ русскимъ дано было выявить извѣстныя начала съ большимъ радикализмомъ, чѣмъ болѣе умѣреннымъ народамъ Европы.

Основнымъ противорѣчіемъ догматики свободомыслія является нелѣное соединеніе свободы мысли съ послѣдствительнымъ и крайнимъ детерминизмомъ. И въ русскомъ мышленіи это противорѣчіе вывилось съ особенной яркостью. Свободомысліе въ главныхъ своихъ теченіяхъ исповѣдуетъ философское отрицаніе свободычеловѣческаго духа и вообще человѣческаго духа. Человѣческая личность опредѣляется цѣликомъ природной и социальной средой, она есть рефлексъ среды, въ ней нѣтъ никакого самобытнаго духовнаго начала, все въ человѣческой личности детерминировано извнѣ. При этомъ неясно, откуда является свобода, откуда паѣосъ свободы? Истоки свободы совершенно утеряны въ міроуозрѣніи «свободомыслящихъ». Культъ свободы мысли можетъ означать у нихъ лишь ненависть къ положительнымъ христіанскимъ вѣрованіямъ, онѣ носятъ совершенно негативный характеръ. Матеріализмъ, къ которому такъ часто и легко склоняются «свободомыслящіе», не соединимъ ни съ какой свободой, ибо свобода имѣетъ духовную природу. Это настолько элементарно, что не требуетъ особенныхъ объясненій. Почти неловко еще разъ объ этомъ напоминать. Извѣстно, что «свободомыслящіе» имѣютъ обычно склонность къ механическому міропониманію и механическому объясненію жизни. Но какъ механическое міропониманіе соединить съ какой-либо свободой и съ какой-либо творческой инициативой, остается не постижимой тайной. Механическое объясненіе всегда вѣдь заключается въ томъ, что все объясняемое механически опредѣляется извнѣ, что

ничто не имѣетъ внутренняго источника жизни и движенія. При этомъ свободу мысли можно понимать лишь во внѣшнемъ и отрицательномъ смыслѣ отсутствія цензурныхъ стѣсненій, не болѣе. Но сама мысль не имѣетъ никакой внутренней свободы и терпитъ насиліе извнѣ болѣе жестокое, чѣмъ всякая цензура, она детерминирована природно-соціальной средой, она испытываетъ на себѣ диктатуру общественнаго мнѣнія. Свободомысліе не имѣетъ никакого права на утверженіе свободы мысли, ибо оно не хочетъ знать внутренно-духовныхъ источниковъ свободы.

II.

Свобода духа по настоящему раскрылась лишь въ христіанствѣ, и лишь въ христіанствѣ возможна подлинная свобода мысли, свобода отъ детерминированности низшими стихіями міра. Христіанство имѣетъ свое углубленное пониманіе свободы, и споры съ христіанствомъ о свободѣ часто бываютъ основаны на недоразумѣніи и взаимномъ непониманіи. Безспорно христіанство понимаетъ свободу иначе, чѣмъ формальный либерализмъ. Христіанство дорожитъ Истиной, которая въ немъ раскрылась, христіанство есть Откровеніе Истины. Христіанство дорожитъ правомысліемъ. И вѣрующій христіанинъ не можетъ притвориться, что онъ этой Истины не знаетъ и къ Ней равнодушенъ. Христіанинъ не можетъ удовлетвориться формальной свободой, уравнивающей Истину съ ложью. Познаетъ Истину, и Истина сдѣлаетъ насъ свободными. Эти слова Священнаго Писанія имѣютъ обязательное значеніе для насъ, христіанъ. Отрывъ свободы отъ Истины искажаетъ самую свободу. Свобода, не желающая знать Истину, гнетъ себя и превращается въ злую необходимость. Свободомысліе утверждаетъ свободу безотносительно къ Истинѣ, оно скептически, хотя скепсисъ его окостенѣваетъ въ своеобразный догматизмъ. Либеральная «свободомыслящая» свобода уравниваетъ въ правахъ ложь и заблужденіе съ Истиной. И это роковымъ образомъ ведетъ къ тому, что ложь и заблужденіе ставятся выше Истины и начинаютъ выдавать себя за Истину. Пусть либерализмъ правъ, когда онъ требуетъ права на заблужденіе, т. е. протестуетъ противъ принужденія къ Истинѣ. Насильственное принужденіе къ Истинѣ есть ложь и зло. Принятіе Истины должно быть вольнымъ, свободнымъ. Истина, къ которой

меня принудили, запретивъ мнѣ заблужденіе, не будетъ для меня Истиной. Это для насъ есть элементарная истина, истина о свободѣ, ибо для насъ не только высшая свобода связана съ Истиной, но есть и Истина о свободѣ, т. е. свобода входитъ въ самую Истину. Я хочу свободно принять Истину и только свободно могу ее принять. Но я не хочу свободы противъ Бога. И я вѣрю, что только въ Богѣ и есть подлинная свобода, освобожденность отъ рабства стихіямъ міра. Мнѣ дана и свобода отъ Бога, ибо Богъ самъ хочетъ моей свободы и ни въ чемъ меня не принуждаетъ и не насилуетъ, какъ принуждаетъ и насилуетъ «міръ». Но я самъ хочу просвѣтленія моей темной свободы Истиной. И если Истина мнѣ открылась, если было для меня откровеніе Бога, то оно бросаетъ свѣтъ на всю мою жизнь и на все мое мышленіе и познаніе. Все мое мышленіе, все мое познаніе озарено свѣтомъ открывшейся Истины. Я ни въ чемъ и никогда не могу забыть свѣта откровенія, не могу въ мышленіи моемъ сдѣлать видъ, что свѣта не было и ничто мнѣ не открылось. Великое заблужденіе думать, что я могу моимъ свободнымъ мышленіемъ открыть Истину. Прежде чѣмъ я найду Истину, Истина находитъ меня. Если Истина есть, если Истина — Сущее, то Она прежде меня и выше меня, реальнѣе меня, и я отъ Ней получаю свою реальность, то Она должна открывать мнѣ себя. И все мое мышленіе подчинено этой открывшейся Истинѣ. Люди думаютъ, что они свободны въ своемъ мышленіи, когда мышленіе ихъ цѣликомъ детерминировано природнымъ и социальнымъ міромъ, и что они рабы, когда мышленіе ихъ детерминировано самой Истиной, откровеніемъ Бога. Но это и есть величайшее заблужденіе, противъ котораго возстаемъ мы, христіане. Думаютъ, что свобода мысли есть результатъ секуляризаціи мысли. Но секуляризація мысли есть освобожденіе мысли отъ свѣта Истины, отъ откровенія Бога. Мысль мѣняетъ своего господина, она не хочетъ зависимости отъ Бога, но согласна на окончательную зависимость отъ «міра».

Секуляризація мысли означаетъ ослабленіе вѣры, забвеніе свѣта открывшейся Истины. И въ этомъ и хотятъ видѣть свободу мысли. О вѣрѣ въ открывшуюся Истину вспоминаютъ какъ о насиліи и отнынѣ хотятъ лишь свободного знанія, основаннаго на свободной мысли. Но въ дѣйствительности именно вѣра въ Истину предполагаетъ

свободу и не можетъ быть насиліемъ. Говорю, конечно, о смыслѣ духовнаго феномена вѣры. Вѣра есть обличеніе вещей невидимыхъ. Міръ же невидимыхъ вещей не можетъ насиловать, насилуетъ лишь міръ видимыхъ вещей. Я свободенъ отрицать Бога, ибо Богъ есть вещь невидимая, но не свободенъ отрицать міръ, ибо міръ есть вещь видимая. Вѣра есть актъ свободы. Знаніе міра видимыхъ вещей не знаетъ той свободы духа, которую знаетъ вѣра, обличающая вещи невидимыя, для нашего чувственнаго взора скрытыя. Знаніе болѣе принудительно, чѣмъ вѣра, и мышленіе опредѣляемое Богомъ, таинственной и невидимой Истиной. Но свободомыслящіе скажутъ, что ихъ пугаетъ не вѣра, какъ субъективное состояніе человѣка, ихъ пугаютъ догматы, какъ объективныя начала. Догматы насилуютъ человѣческую мысль, предписываютъ свободной мысли исповѣдывать навязанныя извнѣ истины, мѣшаютъ свободному движенію мысли. Догматизмъ сдѣлался синонимомъ несвободы мысли. Какъ будто бы у свободомыслящихъ нѣтъ собственныхъ догматовъ! Люди обладаютъ способностью извращать и искажать всякую истину, — они извратили и исказили и догматы, придавъ имъ характеръ извнѣ навязанной доктрины. Но не такова внутренняя природа христіанскихъ догматовъ. Догматы — мистическіе факты, отъ которыхъ зависитъ моя жизнь и мое спасеніе, а не умственныя теоріи. Никто и ничто на свѣтѣ не можетъ меня заставить исповѣдывать какіе-либо догматы, къ этому невозможно меня принудить. Исповѣданіе догматовъ предполагаетъ мою вѣру, мой духовный опытъ и духовную жизнь, т. е. мою духовную свободу. Если я повѣрилъ въ мистическій фактъ, выраженный въ догматѣ, если я увидѣлъ мистическую реальность, то жалки и ничтожны для меня разговоры о томъ, что эти мистическіе факты и мистическія реальности меня насилуютъ и къ чему-то принуждаютъ. Гораздо болѣе меня насилуютъ истины механики и физики. Я вѣрю, что Іисусъ Христосъ — Богочеловѣкъ, совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, въ которомъ двѣ природы соединены въ одной личности, Единородный Сыръ Божій, т. е. исповѣдую христологическій догматъ. Это есть основной мистическій фактъ, отъ котораго зависитъ мое спасеніе. Я исповѣдую не теорію о богочеловѣчествѣ Христа, я исповѣдую реальность, увидѣнную въ опытѣ Церкви. Почему моя мысль насилуется этой реальностью, невидимой для обыкновен-

наго чувственнаго взора? И что значить отрицать глубочайшую реальность бытія во имя свободы мысли? Вѣдь свободомыслящіе никогда не чувствуютъ себя стѣсненными въ мысли отъ принужденія разнообразныхъ чувственныхъ реальностей природнаго міра, нерѣдко реальностей, которыя превращаютъ мысль человѣка въ свое игрище. Люди обыкновенно ощущаютъ какъ ѣнасиліе то, что имъ чуждо и чего они не хотятъ признать. Догматы свободомыслящихъ очень насилуютъ насъ, христіанъ, они представляются намъ порабощеніемъ нашего духа. Догматы марксизма насъ насилуютъ и принуждаютъ и лишаютъ насъ свободы мысли, но вѣрующіе марксисты съ радостью ихъ принимаютъ и живутъ ими. Извнѣ все вѣдь представляется инымъ, чѣмъ изнутри, и то, что есть свобода для любящаго, для ненавидящаго есть насиліе. Догматы христіанскіе представляются насиліемъ для тѣхъ, которые не хотятъ ихъ знать и ненавидятъ ихъ, но мы христіане обрѣтаемъ въ нихъ свою высшую свободу и свое спасеніе. То, что для примѣра я сказалъ о догматѣ христологическомъ, можно было бы сказать о всѣхъ христіанскихъ догматахъ. Наша вѣра въ догматъ Св. Троицы означаетъ не насиліе надъ свободной мыслью, а исходъ для мысли, освобожденіе мысли отъ рабства у разсудочности и у ограниченности природнаго міра, — первичный мистическій фактъ, озаряющій всю нашу духовную жизнь. Богословскія теоріи представляютъ собой уже что-то вторичное и второстепенное по сравненію съ догматами, и теоріи эти могутъ быть и ошибочными и насилующими мысль, какъ впрочемъ и всѣ теоріи философскія, и всѣ теоріи самихъ свободомыслящихъ. Зависимость моей мысли отъ догматовъ есть лишь зависимость отъ самой первичной Истины, отъ свѣта, озаряющаго мою мысль, а не отъ навязанной мнѣ теоріи.

Свободомыслящіе могутъ возразить намъ, что они дорожатъ не только свободой мысли, но и истиной, которая свободной мысли открывается. Они борются за свободу науки, наука же ищетъ истину ничѣмъ не прикрашенную. Свободомыслящіе даже думаютъ, что они отступали отъ христіанской вѣры изъ любви къ научной истинѣ, разрушающей религіозныя иллюзіи. Они отвергаютъ христіанство, потому что оно не соотвѣтствуетъ истинѣ, и этому научила ихъ наука. Свободомыслящіе, какъ извѣстно, поклоняются не только свободѣ, но и наукѣ, и потому ду-

мають, что свобода ихъ связана съ истиной и есть не только формальная свобода. У нихъ есть положительное міросозерцаніе, міросозерцаніе научное. Но научнаго міросозерцанія быть не можетъ. Наука не знаетъ Истины, она знаетъ лишь истины, частичныя истины, относящіяся къ отдѣльнымъ сферамъ міровой дѣйствительности. Науки нѣтъ, есть только науки. Истина свободомыслящихъ пишется съ маленькой буквы, но съ маленькой буквы можно писать лишь истины — не Истину. Истина свободомыслящихъ есть дурная метафизика и ложная религія, есть предметъ вѣры, а не научнаго знанія. Существуетъ іерархія наукъ, и каждая группа наукъ имѣетъ свой особый предметъ, выдѣленную часть міровой дѣйствительности и свой особый методъ ея изслѣдованія. Единой науки о мірѣ, какъ цѣломъ, о бытіи вообще не существуетъ, это есть философія, а не наука. Идея единой универсальной науки о мірѣ есть ложная идея позитивной философіи, сна чужда ученымъ. Вопросы о границахъ науки, о возможности откровенія или чуда, о сущности и смыслѣ міра рѣшаются не наукой, а философіей. Наука не можетъ даже ставить этихъ вопросовъ, нѣтъ науки, которая была бы компетентной этимъ заниматься. Наука не претендуетъ знать Истину о сущности и смыслѣ міра, она сама по себѣ не знаетъ даже природы познанія, хотя и познаетъ и безконечно обогащаетъ наше познаніе. Ученые могутъ открывать однѣ и тѣ же истины въ своихъ областяхъ знанія, но исповѣдывать при этомъ вѣру въ разную Истину. Одинъ ученый можетъ быть грубымъ матеріалистомъ, другой — вѣрующимъ христіаниномъ, но наука ихъ можетъ быть одной и той же, они могутъ одинаково дѣлать открытія въ физикѣ или біологіи. Католическая вѣра Пастера не мѣшала его наукѣ быть научной и дѣлать великія открытія. Но рядомъ съ Пастеромъ могъ работать въ бактериологіи ученый, исповѣдующій натурализмъ и позитивизмъ, и онъ могъ сходиться съ Пастеромъ въ научныхъ истинахъ. Но въ отношеніи къ Истинѣ между ними была пропасть.

Свободомыслящіе слишкомъ заняты отрицательной апологетикой въ наукѣ, апологетикой невѣрія. Невѣріе же есть всегда иная форма вѣры, вѣра въ предметы противоположныя предметамъ религіозной вѣры. Этотъ характеръ отрицательной апологетики особенно явственъ въ историческихъ наукахъ о религіи, въ изслѣдованіяхъ

по происхожденію и развитію христіанства. Тутъ историческая наука дѣлается орудіемъ утвержденія невѣрія, и истины исторической науки подчиняются единой истинѣ свободомыслія. Истина христіанства о томъ, что Христосъ былъ Сынъ Божій, есть предметъ вѣры, а не исторической науки, но истина свободомыслія о томъ, что Христосъ былъ обыкновенный человекъ или что онъ совсѣмъ не существовалъ, есть также предметъ вѣры, вѣры противоположной. Средствами исторической науки этотъ вопросъ не разрѣшимъ, это есть предѣлъ научнаго изслѣдованія и непроницаемая для него тайна. На территоріи науки этотъ вопросъ нельзя даже поставить, и всѣ либеральныя отрицательныя результаты библейской критики порождены не самой наукой, а вѣрой свободомыслящихъ. Для религіи существуетъ метаисторія, для науки же существуетъ лишь исторія. Принципіально наука никогда не сталкивается съ религіей, онѣ никогда не встрѣчаются на одной и той же территоріи. Съ религіей сталкивается не наука, а извѣстнаго рода философія ученыхъ, ихъ «міровоззрѣніе», ихъ иная вѣра, иная религія. Свободомысліе, враждующее съ христіанствомъ, и есть не наука, а религія, противоположная христіанской. Мы имѣемъ дѣло со столкновеніемъ двухъ вѣръ. Тутъ мы подходимъ къ безпокойной проблемѣ «модернизма» въ христіанствѣ.

III.

Реакціонно - клерикальныя и обскурантскія теченія въ Церкви любятъ обвинять въ модернизмѣ всякую творческую религіозную мысль. Вполнѣ свободными отъ подозрѣній и обвиненій въ модернизмѣ оказываются лишь тѣ, которые находятся въ состояніи совершеннаго безмыслія. Слово «модернизмъ» очень многосмысленное и смутное, и его не слѣдовало бы употреблять безъ разъясненій. Въ извѣстномъ смыслѣ всякое активное мышленіе въ данный часъ, въ данное мгновеніе міровой исторіи можно назвать модернистскимъ, оно современно, и совершенно не модернистскимъ можно назвать лишь пассивное повтореніе мышленія прежнихъ вѣковъ, чужого мышленія. Въ этомъ смыслѣ творческіе мыслители во всѣ времена были «модернистами» и обвинялись въ «модернизмѣ». Въ наше время католики-томисты являются главными врагами католиковъ-модернистовъ. Но Св. Тома Аквинатъ въ свое время обвинялся въ модернизмѣ, въ непозволительныхъ новше-

ствахъ и даже считался предшественникомъ антихриста. Модернистами были и всѣ учителя Церкви въ творческой патристической періодъ. Вполнѣ свободны отъ модернизма лишь тѣ, которые черезъ рядъ столѣтій повторяютъ то, что было нѣкогда завоевано творческой мыслью. Модернизму противопоставляютъ традицію. Но вѣдь всякая традиція была нѣкогда творчествомъ. Традиція и есть осѣвшее, кристаллизованное и передающееся послѣдующимъ поколѣніямъ творчество. Всякое мгновение жизнь несетъ съ собой новизну. Жизнь есть творческой динамической процессъ. И проблема въ томъ, какъ въ творческой новизнѣ не уничтожать вѣчное и цѣнное въ прошломъ, но сохранять его и передавать грядущему. Жизнь Церкви основана на органическомъ сочетаніи консервативнаго начала, охраняющаго вѣчное и уже неизмѣнное, съ творческимъ началомъ, развивающимъ и раскрывающимъ дальше и глубже полноту Истины. Поэтому въ Церкви можетъ быть созидательное творчество, но не можетъ быть и не должно быть разрушительныхъ революцій. Отсюда ясно, въ какомъ смыслѣ модернизмъ въ христіанствѣ допустимъ, и въ какомъ не допустимъ, если уже употреблять это двусмысленное выраженіе. Стремиться во чтобы то ни стало къ современному и новому есть ложная направленность духа. Новизна и современность не могутъ быть предметомъ нашихъ стремленій и не могутъ владѣть нашей волей и нашей мыслью. Такъ никогда не достигается Истина. И никогда подлинно творческіе люди не стремились быть современными. Понятія новизны и современности лишены бытійственного, онтологическаго смысла. Стремленіе къ нимъ есть дурное волненіе и бессмысленная суэта. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго и бесплоднаго, чѣмъ желаніе быть во что бы то ни стало на высотѣ собственнаго вѣка. Творческая мысль стремится владѣть вѣкомъ, а не быть во власти вѣка, стремится время подчинить вѣчности. Поэтому она никогда не можетъ быть опредѣлена, какъ «модернизмъ». Лучшіе, самые творческіе люди всѣхъ вѣковъ, на которыхъ почилъ духъ вѣчности, боролись съ своимъ вѣкомъ. Ибо всякій «вѣкъ» въ известномъ смыслѣ есть измѣна вѣчности, есть окостенѣніе оторваннаго отъ вѣчности отрывка времени. Стремиться нужно не къ новому и не къ современному, а къ вѣчному, къ раскрытію вѣчнаго во времени. Консерватизмъ хочетъ только стараго и прошлаго, модернизмъ хочетъ только новаго и

современнаго. Но вѣчное не есть ни старое, ни новое, ни прошлое, ни современное, оно не приковано къ категоріямъ времени. И въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ можетъ быть вѣчное, какъ можетъ быть и преходящее и тѣнное. Нельзя сказать, что вѣчнымъ, бытійственнымъ, добрымъ является только прошлое, какъ нельзя сказать, что будетъ имъ только будущее, что является имъ только современное. Мы не консерваторы и не модернисты, мы не реакціонеры и не прогрессисты, мы этернитисты. Но вѣчное, бытійственное, божественное раскрывается въ творческомъ процессѣ. И самое время существуетъ лишь потому, что вѣчная Истина раскрывается и вмѣщается не мгновенно и не въ полнотѣ, а лишь по частямъ. Такова особенность грѣховнаго существованія. Таково должно быть наше принципиальное отношеніе къ модернизму въ христіанской мысли.

Въ такъ называемомъ католическомъ модернизмѣ была своя отрицательная правда, поскольку онъ возставалъ противъ исключительной власти схоластическаго интеллектуализма надъ человѣческой мыслью, противъ исключительно авторитарнаго типа религіозности и требовалъ осмысливанія съ христіанской точки зрѣнія процессовъ, происходившихъ въ мірѣ на протяженіи столѣтій. Въ теченіе ряда столѣтій новой исторіи очень измѣнилась душа человѣческая, очень усложнилась и развернулась. Върующая душа стоитъ передъ совершенно инымъ социальнымъ міромъ, ей приходится считаться съ совершенно инымъ міромъ познанія и науки, очень обогащеннымъ и сложнымъ. Нельзя дѣлать видъ, что ничего не произошло, что все осталось по старому. Въ христіанской мысли всегда должна происходить творческая и обогащающая реакція на всѣ происходящіе въ мірѣ процессы. Христіанская мысль должна быть покорна вѣчности, она не современна и не своевременна. Но она должна изнутри, изъ глубинъ творчески отвѣчать на возраженія, мученія и болѣнія современности. Для христіанской мысли неприемлема эволюціонная теорія современности, но она не можетъ отрицать самаго факта развитія, она должна по своему его осмыслить. Игнорированіе происходящихъ въ мірѣ процессовъ дѣлаетъ христіанство беззащитнымъ. И христіанская апологетика должна быть творческой, должна совершенствоваться и усложнять свои методы. Католики — модернисты тутъ что то почувствовали, но они не сумѣли время под-

чинить вѣчности, они слишкомъ часто вѣчность отдавали во власть времени. Въ нихъ былъ и дурной модернизмъ, дурная уступка духу времени, преклоненіе передъ идеалами «научности» и «прогрессивности», многіе изъ нихъ растеряли вѣру и отождествили религію съ гуманистическимъ морализмомъ. Такіе люди, какъ Луази, окончательно отпали отъ христіанства, перешли къ банальному позитивизму и религіи человѣчества. Есть, конечно, модернисты, которые сохранили крѣпость своей христіанской и даже католической вѣры, таковъ, повидимому, прежде всего Ш. Блондель. Но многіе изъ нихъ вмѣсто того, чтобы изъ глубины христіанства осмыслить фактъ развитія въ мірѣ, подчинились власти временнаго процесса и усвоили себѣ самыя дурныя стороны эволюціоннаго ученія. Они возстали противъ схоластическаго раціонализма, но подчинились власти раціонализма современнаго, раціонализма новаго времени, разрушающаго мистическія реальности. «Модернизмъ» часто означаетъ разрушеніе онтологическихъ реальностей и истолкованіе догматовъ въ исключительно моралистическомъ и субъективистическомъ смыслѣ. Такимъ образомъ проблема согласованія вѣчной истины христіанской вѣры съ современной наукой и философіей оказалась ложно поставленной и разрушенной. Временное оказалось сильнѣе вѣчнаго, вѣра оказалась ослабленной.

Наиболѣе роковой для модернизма оказалась историческая наука о религіи, библейская критика. Она окончательно сокрушила вѣру Луази, выдающагося спеціалиста по исторической экзегетикѣ, и она ослабила и извратила вѣру многихъ другихъ. Съ самаго начала вопросъ былъ ложно поставленъ съ точки зрѣнія христіанской, церковной. Модернисты были совершенно правы, когда они защищали свободу науки, свободу историческаго изслѣдованія происхожденія и развитія христіанства, когда они возставали противъ конфессіональныхъ фальсификацій исторіи. Наука по природѣ своей можетъ быть только свободной, она не терпитъ предписаній извнѣ. Свободное историческое изслѣдованіе религіозной жизни есть положительное благо, и человѣческая мысль должна пройти черезъ искусы свободного изслѣдованія. Насиліе надъ свободой научнаго изслѣдованія религіи вело только къ отпаденію отъ христіанства. Но есть принципиальная проблема, которая ставится дальше и которая неизмѣримо

глубже. Это проблема о границахъ научно-историческаго изслѣдованія религіи, границахъ, которыя сознаются въ самомъ свободномъ познаніи, а не ставятся извнѣ. То, что называется «тайной Іисуса», т. е. происхождение христіанства, неразрѣσιμο средствами исторической науки. Мы тутъ сталкиваемся съ понятіемъ «*метаисторіи*», которое модернистской мыслью не было достаточно выяснено. Нѣкоторые модернисты, правда, вѣрно указывали на то, что христіанская апологетика должна быть философской, а не исторической, ибо историческая апологетика ведетъ къ фальсификаціи исторіи. Въ критикѣ старыхъ методовъ апологетики модернисты имѣютъ несомнѣнныя заслуги. Но имъ не свойственно было раскрытіе идеи онтологической реальности и смысла метаисторіи, которая раскрывалась въ сознаніи и опытѣ Церкви и которая не можетъ быть уже разрушена никакой исторической критикой, ибо метаисторическія реальности неуязвимы для историческаго опыта и для исторической науки, находятся за ся предѣлами. Тайна Христа-Богочеловѣка, Сына Божьяго, Спасителя міра - - скрыта отъ историческаго взора, отъ историческаго знанія, она раскрывается лишь въ Священномъ Преданіи Церкви, раскрывается лишь изнутри Церкви, изъ церковнаго опыта. Съ исторической точки зрѣнія реальность Христа неизбѣжно умаляется и даже совсѣмъ исчезаетъ, какъ мы видимъ въ мифологической теоріи, и образъ Христа дробится, виденъ или человекъ Іисусъ съ умаленной реальностью или Богъ Христосъ, оторванный отъ историческаго воплощенія, но никогда не Богочеловѣкъ, не цѣлостный его Ликъ *). Такъ называемый либеральный протестантизмъ, который былъ крайней формой модернизма и въ нѣдрахъ котораго и происходила вся разрушительная работа библейской критики, означаетъ отпаденіе отъ христіанской вѣры и не можетъ быть названъ христіанствомъ. Нельзя назвать христіанами тѣхъ, которые отрицаютъ откровеніе, отрицаютъ Св. Троицу, отрицаютъ богочеловѣчество Христа, отрицаютъ органическую реальность Церкви и истолковываютъ христіанство въ духѣ современнаго морализма, сводятъ религію къ субъективнымъ душевнымъ переживаніямъ человекa. Либеральный протестантизмъ есть наука о

*) См. мою статью «Наука о религіи и христіанская апологетика» въ № VI «Пути».

религии, профессорская религія. Либеральный протестантизмъ завершилъ циклъ своего развитія и совершенно разлагается, какъ религіозное направленіе. Направленіе Ричля и Гаркана имѣетъ научныя заслуги, но не обладаетъ болѣе никакимъ религіознымъ авторитетомъ, не дѣйствуетъ на современную христіанскую молодежь, и властителемъ думъ въ протестантскомъ мірѣ сейчасъ является К. Бартъ, который возвращается къ ортодоксіи, къ истокамъ реформации, и къ первохристіанству, и склоняется къ эсхатологическому истолкованію христіанства. Католическій модернизмъ былъ серьезнымъ кризисомъ, но сейчасъ онъ тоже теряетъ свое значеніе. Новый вѣкъ вновь обращается къ вѣчности, къ религіознымъ реальностямъ и утомленъ пребываніемъ въ субъективномъ человѣческомъ мірѣ. Нельзя требовать, чтобы Церковь считала своими тѣхъ, которые ее отрицаютъ, отрицаютъ все догматы и таинства христіанства. Вѣдь даже политическія партіи не соглашаются признать своими тѣхъ, которые отрицаютъ основные принципы этихъ партій. Это свойственно всемъ направленіямъ и многія изъ нихъ бываютъ болѣе нетерпимы и исключительны, чѣмъ Церковь. Принципъ свободы совѣсти и свободы мысли не означаетъ равнодушія и безразличія къ тому, къ чему приходитъ свободная совѣсть и свободная мысль. Мы дорожимъ Истиной и реальностью. Въ этомъ отношеніи претензіи свободомыслящихъ непонятны. Свободомыслящіе сами постоянно заняты отлученіемъ и анафематствованіемъ инакомыслящихъ.

IV.

Христіанская вѣра и свободомысліе сталкиваются еще по отношенію къ теоріи прогресса. Свободомыслящіе обычно исповѣдуютъ теорію прогресса и даже религію прогресса. Свободомыслящіе вѣрятъ, что человѣкъ постепенно выходитъ изъ первоначальной тьмы и идетъ къ царству свѣта, что есть міровой законъ совершенствованія и улучшенія, въ силу котораго будущее всегда лучше прошедшаго, что человечество идетъ къ золотому вѣку просвѣщенія и счастья. Свободомыслящіе — за рѣдкими исключеніями — прогрессисты и оптимисты. Иногда встрѣчаются свободомыслящіе пессимисты, которые въ про-

грессъ не вѣрятъ, но они не типичны. Религія прогресса въ XIX вѣкѣ противопоставлялась религіи христіанской, но сама идея прогресса христіанскаго происхожденія, и внѣ христіанства она не могла бы возникнуть. Идея прогресса есть секуляризація и деформація религіозной идеи мессіанскаго смысла всемірной исторіи, и движенія ея къ всеразрѣшающему концу, къ Царству Божьему. Только съ боговоплощеніемъ, съ явленіемъ Христа-Богочеловѣка исторія пріобрѣтаетъ внутренній смыслъ. Исторія движется къ центральному событію — явленію Мессіи, Искупителю и Спасителю міра, и отъ Него къ всеразрѣшающему концу, ко Второму Пришествію. Для греческой философіи смыслъ исторіи былъ скрытъ, ибо онъ всегда связанъ съ чуждымъ эллинскому сознанію мессіанизмомъ. Идея прогресса родилась въ нѣдрахъ христіанства и потомъ направилась противъ него. Идея верховной иѣли, къ которой движется прогрессъ, есть извращеніе идеи Царства Божія. Христіанство не можетъ примириться съ извращеніемъ собственной идеи и потому оно враждебно теоріи прогресса. Христіанство по природѣ своей «прогрессивно», т. е. вѣритъ въ свершающійся смыслъ мірового процесса, въ его движеніе къ верховной цѣли—Царству Божьему. Царство Божіе и есть та великая новизна, къ которой долженъ идти міровой процессъ. Но въ законъ необходимаго прогресса міра христіанство не вѣритъ, ибо вѣра въ необходимый прогрессъ противорѣчитъ христіанскому пониманію свободы человѣка. Свобода дѣлаетъ міровой и историческій прогрессъ трагическимъ. Теорія же прогресса безтрагична. Теорія прогресса есть ни на чемъ не основанный натуралистическій оптимизмъ. И въ другомъ еще отношеніи христіанство глубоко противоположно иллюзіямъ прогресса. Религія прогресса цѣликомъ находится во власти времени, временнаго быванія, она отрекается отъ вѣчности во имя времени, подчиняетъ вѣчность времени. И этимъ религія прогресса узаконяетъ смерть, узаконяетъ жизнь всякаго грядущаго поколѣнія, основанную на смерти поколѣній предыдущихъ. На вершинѣ прогресса явится счастливое и просвѣщенное человѣчество, но всѣ предшествующія поколѣнія обращены въ средство для этого поколѣнія грядущихъ счастливцевъ. Были и свободомыслящіе, которые понимали безобразную сторону религіи прогресса, — таковъ былъ, напр., Герценъ. Но въ большинствѣ случаевъ свободомыслящіе наивно ис-

повѣдуютъ религію прогресса, не подвергая эту идею нравственной рефлексіи.

Многіе свободомыслящіе скажутъ, что въ прогрессѣ они не вѣрятъ, ибо прогрессъ есть предметъ вѣры, а твердо знаютъ наукой открытый законъ эволюціи, исповѣдуютъ не теорію прогресса, а теорію эволюціи. И дѣйствительно, если идея прогресса имѣетъ происхожденіе религиозное, мессіанское, юдаистически-христіанское, то идея эволюціи родилась въ XIX вѣкѣ. Эволюція не есть понятіе телеологическое и смысловое, какъ прогрессъ и жизнь человѣческая не можетъ быть на ней нравственно ориентирована. Эволюціонизмъ есть уже ничѣмъ не прикрытый натурализмъ и детерминизмъ. Эволюціонныя теоріи подлежатъ научной и философской критикѣ, но не подлежатъ религиозной оцѣнкѣ. Но бѣда въ томъ, что многіе эволюціонисты являются лишь прикрытыми прогрессистами и основываютъ на эволюціонизмѣ свои нравственныя оцѣнки. Христіанская вѣра, въ отличіе отъ вѣры въ прогрессъ, полагаетъ верховную цѣль міровой жизни въ преображеніи и воскресеніи, въ Царствѣ Божьемъ, къ которому призваны всѣ человѣческія поколѣнія и даже вся космическая жизнь. Христіанство не можетъ мириться со смертію. Для Христіанской Церкви всѣ живые, умершіе въ такой же степени, какъ и живущіе. Свободомыслящіе же мирятся со смертію, не думаютъ объ умершихъ и потому ихъ міросозерцаніе стоитъ ниже міросозерцанія древнихъ египтянъ и всѣхъ древнихъ языческихъ народовъ, которые думали о покойникахъ и о могилахъ и имѣли культъ предковъ. Тутъ между христіанствомъ и свободомыслящимъ прогрессизмомъ есть нравственная пропасть. И мы христіане хотимъ прогресса, хотимъ реальнаго улучшенія и преображенія міра, хотимъ движенія къ Царству Божьему, но мы не миримся съ прогрессомъ, который не только забываетъ объ умершихъ, но и совершаетъ надругательство надъ прахомъ предковъ. Мы вѣримъ въ творческую свободу, но не вѣримъ въ необходимую эволюцію. Всемирная исторія трагична, и въ ней возрастаетъ не только добро, но и зло, не только загораются новый свѣтъ, но и сгущается новая тьма, раскрываются, разворачиваются противорѣчія жизни. И христіанскія пророчества не отличаются оптимизмомъ. Передъ нашей свободой стоятъ творческія задачи, и отъ нашихъ усилій зависитъ будущее, но въ необходимость добраго и свѣтлаго будущаго

мы такъ же не вѣримъ, какъ не вѣримъ въ то, что прошлое было всегда объято тьмой. Это есть особенная ложь «просвѣтительства», ложная гордыня и самомиѣніе поколѣній свободомыслящихъ, въ своемъ лишь разумѣ видящихъ свѣтъ. Въ дѣйствительности въ философіи свободомыслящихъ разумъ совершенно разложился и о немъ нельзя даже разговаривать. Въ философіи средневѣковой въ большей степени признавался разумъ, чѣмъ въ философіи эмпиризма, позитивизма или матеріализма. Раціонализмъ движется самоутвержденіемъ разума, но, уединивъ разумъ и оторвавъ его отъ духовной жизни, онъ подготовилъ разложеніе разума.

Вопросъ о взаимоотношеніи христіанства и соціализма, который многихъ сейчасъ волнуетъ, не слѣдуетъ связывать съ вопросомъ о свободомысліи. Прежде всего свободомысліе не типично для соціализма. Соціализмъ К. Маркса, т. е. наиболѣе острая форма соціализма, совсѣмъ уже не есть свободомысліе, хотя свободомысліе и было умственной почвой, на которой марксизмъ возникъ. Интегральный соціализмъ въ своей внутренней-діалектикѣ имѣетъ тенденцію превратиться въ религію и въ этомъ случаѣ онъ, конечно, враждебенъ и противенъ христіанству. Соціализмъ, какъ религія, истериченъ, исключителенъ и отрицаетъ свободу совѣсти и мысли. Но возможно, конечно, соціализмъ религіозно нейтральный, означающій лишь соціальное реформированіе общества въ интересахъ трудящихся. Такого рода соціализмъ христіанство не только не отрицаетъ, но онъ ему даже болѣе соответствуетъ, чѣмъ капитализмъ, — форма наиболѣе противная христіанству и наиболѣе безбожная, являющаяся самымъ злымъ плодомъ свободомыслія, порабощеніемъ духа дурной похоти жизни. Антирелигіозное свободомысліе, къ которому легко склоняется рабочій классъ, и есть порожденіе капитализма, ввергнушаго рабочихъ въ адскія условія жизни, капиталистическаго индивидуализма и атомизма, буржуазнаго просвѣтительства. Этимъ пользуются агитаторы атеистическаго соціализма. Свободомысліе есть насквозь индивидуалистическая буржуазная идеологія, и оно явилось въ буржуазный періодъ исторіи. Буржуазія заразила рабочихъ свободомысліемъ, но, когда это ей выгодно, она готова проповѣдывать рабочимъ благочестіе и Бога, обслуживающаго самые земные интересы. Леонъ Блуа, который былъ пламенно вѣрующимъ католикомъ,

но ненавидѣлъ буржуазное католичество, говорилъ, что Господь Богъ очень популярень и декоративень у лавочниковъ. Богъ, который оказался нуженъ для защиты собственности и интересовъ буржуазныхъ классовъ, не есть, конечно, сушій живой Богъ, не есть Богъ христіанскій. Если Церковь производила впечатлѣніе защитницы богатыхъ и сильныхъ міра, то въ этомъ вина христіанъ, а не христіанства, церковной іерархіи, а не Церкви. И великая задача нашего времени заключается въ разрывѣ христіанства съ интересами богатыхъ. Съ проповѣдью христіанской вѣры нужно идти прежде всего въ рабочія массы, которыя легко заражаются ядомъ безбожія, и это предполагаетъ измѣненіе соціальной базы христіанства. Особенно это явственно сейчасъ въ Россіи.

Но христіанство не терпитъ абсолютизаціи и обоготворенія какихъ-либо соціальныхъ формъ, не допускаетъ матеріально - принудительнаго разрѣшенія основныхъ вопросовъ жизни. Всѣ соціальныя и государственныя формы относительны и преходящи. Абсолютны лишь религіозныя и нравственныя основы общества. Коммунизмъ неприемлемъ и отвратителенъ для христіанства совсѣмъ не потому, что христіанство принципиально не допускаетъ коммунистическаго строя со стороны хозяйственной и политической, а потому, что оно не допускаетъ безбожнаго духа коммунизма, не мирится съ отрицаніемъ религіозныхъ и нравственныхъ основъ общества. Впрочемъ, нужно всегда при этомъ помнить, что эти религіозныя и нравственныя основы общества были нарушены и въ буржуазно-капиталистическомъ обществѣ XIX и XX вѣка, которое съ христіанской точки зрѣнія не лучше коммунизма. Коммунизмъ есть даже Божья кара за грѣхи этого общества, за грѣхи свободомыслія, отвергшаго духовную природу человѣка. Съ христіанской точки зрѣнія сѣдуетъ даже признать какую-то правду въ коммунизмѣ, хотя и страшно извращенную и превратившуюся въ свою обезьянью противоположность. Вопросъ о томъ, могутъ ли социалисты быть христіанами и православными, столь беспокоящій доктринеровъ социализма, намъ представляется не интереснымъ и не принципиальнымъ. Тѣ доктринеры социализма, для которыхъ социализмъ есть религія, конечно, христіанами быть не могутъ. Не могутъ быть христіанами и православными и тѣ социалисты, которые не могутъ оторвать своего социализма отъ догмы свободомыслія. Это

есть столкновение въ сферѣ вѣры и міросозерцанія, а не въ сферѣ соціальныхъ и политическихъ программъ. Тѣ, которые наивно думаютъ, что социализмъ есть освобождение человѣческаго духа и мысли, конечно, христіанами бытъ не могутъ. Мы христіане думаемъ, что человѣческій духъ и мысль освобождаетъ Христось, а не социализмъ. Это разница огромная. Но для насъ христіанъ существуетъ вопросъ объ отношеніи христіанства къ вопросамъ соціальной жизни и надъ этимъ вопросомъ должна работать творческая христіанская мысль. Изнутри христіанства нужно опредѣлить отношеніе къ преобразованію человѣческаго общества въ духѣ Христовомъ, который не похожъ, конечно, на духъ того общества XIX и XX вѣка, противъ котораго справедливо возсталъ социализмъ.

V.

Христіанству чужда вѣротерпимость формальнаго либерализма, который есть индифферентизмъ и безразличіе къ Истинѣ, безсиліе сдѣлать выборъ между истиной и ложью. Христіанинъ всегда есть человѣкъ, дѣлающій выборъ, онъ никогда не остается въ состояніи безразличія, онъ всегда долженъ бороться за Истину, за содержаніе и цѣль жизни. Но это не значитъ, что христіанинъ не любитъ свободы и равнодушенъ къ свободѣ. Онъ признаетъ свободу выбора, но свобода выбора цѣнится имъ прежде всего потому, что черезъ нее дѣлается выборъ. Утверждать же и обожать свободу только для того, чтобы безконечно находиться въ состояніи индифферентизма и безразличія, чтобы никогда не сдѣлать выбора и никогда не придти къ Истинѣ, есть извращеніе свободы. Пора уже сдѣлать выборъ, пора уже сопрячь свободу съ Истиной, слишкомъ долго человѣкъ новой исторіи оставался въ состояніи пустой, безсодержательной, безпредметной свободы. Пора перейти къ свободѣ предметной, содержательной, наполненной Истиной. Тѣ, которые слишкомъ долго не дѣлаютъ свободнаго выбора и пребываютъ въ состояніи безразличія, роковымъ образомъ толкаются въ сторону выбора противоположнаго Истинѣ. Такъ и случилось, когда свобода мысли незамѣтно перешла въ свободомысліе и начала воинствовать противъ правомыслія. Христіанинъ можетъ и даже долженъ быть терпимъ, долженъ съ уваженіемъ относиться къ чужимъ вѣрованіямъ и мыслямъ,

долженъ побѣждать въ себѣ соблазнъ изувѣрской нетерпимости и фанатизма. Но терпимость его иная, чѣмъ терпимость индифферентнаго либерализма, каждому представляющаго почитать истиной то, что ему придется въ голову. Свободолюбіе и терпимость христіанина связаны съ содержаніемъ его вѣры, съ христіанскимъ пониманіемъ свободы духа. Христіанская вѣротерпимость не есть равнодушіе къ Истинѣ, не есть согласіе признать внутреннія права за ложью, но есть уваженіе къ внутренней жизни человѣка, къ своеобразію его пути. Человѣческая душа не можетъ быть приведена къ Истинѣ путемъ приужденія и насилія. Реализація духовной жизни всегда предполагаетъ свободу духа. Все, что достигается принужденіемъ и насиліемъ, не есть духовная жизнь и не есть подлинная реализація. Свобода есть условіе духовнаго реализма. Человѣческая душа идетъ къ Истинѣ путемъ бореній духа, путемъ испытаній, путемъ неповторимаго индивидуальнаго опыта. Истина абсолютна и едина и было откровене въ мірѣ Истины. Но полнота этой Истины не усваивается человѣческой душой механически. Воспріятіе единой Истины индивидуализируется и душа открывается дѣйствию тѣхъ или иныхъ ея лучей. Дробная часть Истины, отдѣльные лучи свѣта есть и въ ложныхъ вѣрованіяхъ и ученіяхъ. Никогда человѣкъ не бываетъ совсѣмъ лишень свѣта, это было бы состояніемъ сатаническимъ. И христіанинъ долженъ открывать свѣтъ въ душѣ каждого человѣка, но всегда долженъ видѣть въ ней образъ и подобіе Божье. Въ каждомъ человѣкѣ нужно видѣть потенциальнаго христіанина. Этимъ и опредѣляется терпимость христіанина. Фанатизмъ былъ безуміемъ, порожденнымъ неспособностью вмѣстить полноту богочеловѣческой истины, христіанскаго откровенія о личности и свободѣ.

Только христіанство признаетъ безусловное и вѣчно значеніе за каждой единственной и неповторимой человѣческой личностью и не допускаетъ разсматривать ее, какъ средство и орудіе для какихъ бы то ни было цѣлей, — душа человѣческая стоитъ больше, чѣмъ всѣ царства міра, она наследуетъ вѣчную жизнь. И Церковь безконечно внимательна къ личности, къ душѣ и къ ея индивидуальному пути. Духовная жизнь человѣческой личности несоизмѣрима съ царствомъ міра и не можетъ быть ему подчинена. Только христіанство принципиально защищаетъ свободу человѣческаго духа отъ царства міра, неоп-

редѣлимость и неподвластность свободы духа природной и соціальной средѣ, царству кесаря. Всѣ другія не христіанскія ученія хотятъ лишь только устройства царства кесаря, при которомъ были бы внѣшнія гарантіи свободы для человѣка, но внутренней свободы духа не признаютъ. Человѣкъ есть цѣликомъ дитя міра и потому подвластенъ міру. Но личность человѣческая подлинно существуетъ лишь въ томъ случаѣ, если она есть дитя Божіе и несетъ въ себѣ образъ и подобіе Божье, которое не можетъ быть стерто міромъ и его властью. Освобожденіе человѣческой личности отъ Бога, котораго хотятъ свободомыслящіе, подчиняетъ ее другому господину, — царству міра сего, обоготворенному обществу. Этотъ господинъ раньше или позже придетъ и скажетъ человѣческой личности: ты моя, подчинишься мнѣ во всемъ. Такъ и случалось въ коммунизмѣ. И защитить человѣческую личность отъ этого страшнаго господина и царя земли можетъ лишь Царь Небесный, лишь Богъ Ёдинъ и Троичный въ Лицахъ. Соціальная среда, породившая личность по ученію свободомыслящихъ, заявитъ раньше или позже свои безраздѣльные права и тогда конецъ всѣмъ свободамъ, конецъ самому бытію личности. Тогда конецъ и терпимости, конецъ самому свободомыслию. Все это было лишь иллюзіи переходнаго, средняго состоянія. Свободомыслящіе совсѣмъ не знаютъ своихъ послѣднихъ, крайнихъ результатовъ, они остаются на поверхности, они не сознаютъ своей эсхатологіи. Гуманистическій индивидуализмъ совершенно безсиленъ и не можетъ удержаться безконечно, онъ разлагается на противоположныя начала.

Теперь мы подходимъ къ самому важному вопросу въ нашей темѣ. Религія есть частное дѣло. Вотъ положеніе, которое считается самымъ главнымъ завоеваніемъ свободомыслія. Эта формула входитъ обычно въ программы лѣвыхъ политическихъ партій. Она усвоена была и партіей социаль-демократической, хотя она и не соответствуетъ ученію К. Маркса, который считалъ самымъ важнымъ общественнымъ дѣломъ вырвать религію изъ человѣческаго сердца. «Религія есть частное дѣло» — это положеніе лаическаго и буржуазнаго либерализма и радикализма. Положеніе это выдуманно противниками религіи, которые хотѣли бы локализовать болѣзнь вслѣдствіе невозможности ее окончательно уничтожить. Религія должна быть вытѣснена изъ жизни, и ей будетъ отведенъ

небольшой уголокъ души. Но при малѣйшей попыткѣ религіи оказать вліяніе на жизнь социальную и на культуру противъ нея должны быть приняты мѣры пресѣченія. Положеніе «религія есть частное дѣло» выработано безъ участія самой религіи, она не была спрошена. Предположили, что угасающая религіозная вѣра не рѣшится выйти изъ темнаго уголка души и заявить свои права на всю полноту жизни. И нужно рѣшительно сказать, что не только религія христіанская, но и никакая религія никогда не признаетъ, что «религія есть частное дѣло». Религія есть самое всеобщее и всемірное дѣло, она охватываетъ всю жизнь, она по природѣ своей въ той же мѣрѣ социальна, какъ и индивидуальна. Все остальное въ жизни носить болѣе частный характеръ, чѣмъ религія. Съ гораздо большимъ основаніемъ можно сказать, что политика есть частное дѣло, чѣмъ что религія есть частное дѣло. Откровеніе Истины не можетъ быть частнымъ дѣломъ. Истина открывается всему міру и всему человѣчеству и должна направлять жизнь міра и человѣчества. Формула «религія есть частное дѣло» основана на предположеніи, что религія есть субъективно-душевное переживаніе и къ Истинѣ не имѣетъ никакого отношенія. Но сама религія никогда не согласится быть субъективно-душевымъ переживаніемъ, ибо это означаетъ вырожденіе и умираніе религіи. Природа религіи объективная, а не субъективная. Такъ думаетъ всякій, кто вѣритъ въ откровеніе. Формула «религія есть частное дѣло» годится лишь для антирелигіозной эпохи и означаетъ лишь отпаденіе народа отъ христіанской вѣры. И гораздо болѣе правы марксисты-коммунисты, которые отмѣняютъ формулу «религія есть частное дѣло» и замѣняютъ ее формулой «религія есть опиумъ для народа». Лучше совсѣмъ запретить употребленіе «опіума» и не допускать отравленія душъ даже въ малыхъ дозахъ. По крайней мѣрѣ соотношенія ясны. Практически для свободомыслящихъ очень заостряется вопросъ о школѣ и религіозномъ воспитаніи. Тутъ невозможна нейтральная точка зрѣнія. Религіозный народъ и въ демократіяхъ будетъ бороться за религіозное воспитаніе. Народъ же свободомыслящій будетъ бороться противъ него, какъ противъ «опіума».

Мы подходимъ къ вопросу о секуляризаціи, которой такъ дорожатъ свободомыслящіе. Формула «религія есть частное дѣло» означаетъ лишь утвержденіе правды секу-

ляризации мысли, секуляризации общества и культуры. Сакральное не должно болѣе выражать себя во внѣ, не можетъ объективироваться. Протестантизмъ, перенеся религію въ субъективную вѣру, предопредѣлилъ этимъ процессъ секуляризации жизни. Какъ оцѣнить процессъ секуляризации съ религіозно - христіанской точки зрѣнія? Секуляризация означаетъ суженіе сферы религіи, ослабленіе ея вліянія на жизнь. Христіанство не можетъ желать секуляризации жизни, ибо она означаетъ, что всѣ объективныя сферы жизни не подлежатъ уже религіозному освященію и осмысливанію, что онѣ автономны, живутъ по собственному закону, оторванныя отъ Истины, отъ свѣта Откровенія. Но это не значитъ, что съ христіанской точки зрѣнія всякая секуляризация сама по себѣ не есть источникъ зла, она есть лишь внѣшній симптомъ внутреннихъ духовныхъ процессовъ жизни. Секуляризация общества и культуры, утвержденіе автономіи всѣхъ дифференціаль-ныхъ сферъ науки, морали, искусства, государства, права, хозяйства -- означаетъ невозможность насильственнаго и принудительнаго подчиненія всѣхъ этихъ сферъ религіозной Истинѣ. Безъ свободы человѣка не можетъ быть реализована Истина въ жизни, къ ней нельзя насильственно принудить. Принудительная средневѣковая теократія должна была рухнуть. Она не реализовала Царства Божьяго въ жизни, она была условно-символической и лишь ознаменовывала Царство Божье -- познаніе, мораль, государство, быть носили христіанскіе штемпеля и знаки, по реально христіанскими не были. Жизнь общества была полужыческой и не просвѣтленной, христіанизированіе и оцерковленіе не шли въ глубину. Условно-символическій характеръ теократической культуры и общества порождалъ неискренность и лицемеріе. И секуляризация нерѣдко означала требованіе искренности и правдивости, выявленіе подлинныхъ реальностей жизни. Если познаніе не является реально-христіанскимъ, то не должно его принуждать называть себя христіанскимъ, если государство не является реально-христіанскимъ, то не должно принуждать его называть себя христіанскимъ. И такъ во всемъ. Въ этомъ отрицательная правда секуляризации, какъ выявленія свободы человѣка. Возврата къ средневѣковому теократическому типу сакральнаго государства и культуры быть не можетъ. Отнынѣ должно быть согласіе свободы человѣка на все, религіозное насиліе унижаетъ христіанство, позорить

Церковь. Но въ самомъ средневѣковомъ типѣ средневѣковаго общества и культуры есть великая и не умирающая правда, есть великое заданіе для будущаго. Это есть замысль интегральной религіозной культуры, но не внѣшне - пришудительной, а внутренно - свободной. Мы вновь вступаемъ въ интегрирующую и конструктивную эпоху. Новая исторія съ ея отрицательнымъ духомъ и мыслью, съ ея формальнымъ либерализмомъ и атомизмомъ и ея отрицательнымъ и безпредметнымъ исканіемъ свободы, съ ея равнодушіемъ къ Истинѣ — кончается. Старые идеалы новой исторіи, идеалы религіи науки, религіи прогресса, религіи социализма и пр. разлагаются и не будутъ уже вдохновлять молодежь. И сейчасъ уже молодежь се-го міра живетъ инымъ и къ иному стремится. Свободомыслиемъ никого уже нельзя вдохновить. Старое пониманіе свободы, какъ рефлексіи, раздвоенія и нежеланія сдѣлать окончательный выборъ, какъ формальнаго права, замѣняется новымъ пониманіемъ свободы, какъ акта выбора, какъ служенія Истинѣ, или способности реализовать въ жизни свою идею или долгъ. Наступаютъ времена отвѣтственнаго выбора. Старое пониманіе свободы было порождено оторванностью интеллигенціи отъ непосредственнаго социальнаго дѣла. Автономія всѣхъ раздѣльныхъ сферъ культуры дошла до безвыходнаго тупика, и вновь пробуждается сознаніе неизбѣжности интегрированія всѣхъ сферъ культуры и свободного подчиненія ихъ единой Истинѣ, освѣщающей и преображающей, опасность обскурантизма подстерегаетъ насъ съ противоположныхъ сторонъ, «справа» и «слѣва». Есть обскурантское правосмыслие, какъ есть и обскурантское свободомыслие, есть обскуранты отъ православія, какъ есть обскуранты отъ социализма. Обскурантизмъ такъ же силенъ сейчасъ въ коммунизмѣ, какъ и въ реакціонныхъ теченіяхъ эмиграціи. За подлинную свободу духа и мысли, за высшую духовную культуру сейчасъ придется бороться со стремящимися къ господству варварски-обскурантскими теченіями. Христіанская ортодоксія можетъ имѣть уклонъ къ обскурантизму, но въ еще большей степени этотъ уклонъ имѣетъ ортодоксія матеріалистическая. Обскурантизмъ есть отрицаніе индивидуальнаго качества во имя социальнаго количества.

Лозунгъ, который выдвигаемъ мы, христіане, есть лозунгъ охристовленія и оцерковленія жизни. Христіанство

должно внутренне овладѣть міромъ. Но это не означаетъ возврата къ старому типу теократіи и не означаетъ отказа отъ свободы духа и мысли. Наоборотъ, реальное охристовленіе жизни можетъ быть лишь плодомъ свободы духа, реальное охристовленіе познанія—лишь плодомъ свободы мысли. Рѣчь идетъ о внутреннемъ и свободномъ овладѣніи христіанствомъ міра, о воздѣйствіи Христовой Истины на человѣческія души и человѣческое общество. Мы не вѣримъ въ возможность возстановленія стараго христіанскаго государства, въ которомъ не столько Церковь подчиняла себѣ государство, сколько была поработана государству, но вѣримъ въ возможность духовнаго дѣйствія Церкви на общество, черезъ которое возможна и свободная христіанизация государства. Мы не хотимъ подчиненія человѣческой мысли внѣшнему авторитету Церкви и теологіи. Мысль можетъ быть лишь свободна, она и въ средніе вѣка была болѣе свободна, чѣмъ думаютъ свободомыслящіе. Познаніе возможно лишь въ атмосферѣ свободы и не терпитъ предписаній извнѣ. Но на самихъ путяхъ свободной мысли и свободного познанія изъ путри, имманентно можетъ загорѣться религіозный свѣтъ, возможно стяжаніе ума Христова, вѣра можетъ освѣтить мысль и познаніе. Секуляризация означала ослабленіе и умирненіе вѣры. И недостойно было притворяться, что вѣра есть, когда ея уже не было. Но усиленіе, возрожденіе, новое возгораніе вѣры не можетъ не имѣть послѣдствій и для познанія. Мы боремся за самую реальную вѣру и за реальные предметы вѣры, а не за внѣшніе и условные ея знаки. Міръ вступаетъ въ періодъ новой духовности, въ періодъ выявленій послѣднихъ реальностей. Все среднее и переходное рушится. Сейчасъ даже матеріализмъ принимаетъ формы матеріализма спиритуальнаго, какъ то мы видимъ въ коммунизмѣ. Сейчасъ атеизмъ принимаетъ болѣе утонченныя духовныя формы, какъ то мы видимъ въ новѣйшихъ философскихъ теченіяхъ, напр., у Н. Гартмана. Отъ стараго свободомыслія новой исторіи ничего уже не остается, остаются лишь его послѣдствія, которыя на него такъ мало походятъ. Мы христіане должны бороться противъ ложнаго свободомыслія, съ ложной догмой свободомыслія, но бороться не насиліемъ, а свободной христіанской мыслью и духовной жизнью. И мы предвидимъ время, когда свобода духа и мысли угаснетъ въ мірѣ враждебномъ христіанству и поклонившемся царству

мира сего и князю его, и она будетъ лишь въ Церкви Христовой, очищенной отъ ложныхъ наслоений міра. Роли перемѣнятся. Христіане будутъ защищать свободу мысли, свободу духовнаго творчества, ибо у нихъ только сохранится реальность духа, безъ которой нѣтъ свободы. Первый опытъ отрицанія свободы мысли и духовнаго творчества со стороны міра, враждебнаго христіанству, мы видимъ въ современномъ коммунистическомъ государствѣ. Личность человѣка, свободный духъ человѣка можетъ сохраниться лишь въ Церкви Христовой. Въ антихристіанскихъ тѣченіяхъ должно обнаружиться отрицаніе личности — имперсонализмъ, отрицаніе свободы — детерминизмъ, отрицаніе духа — матеріализмъ. Въ мірѣ происходитъ процессъ варваризаціи, отрицаніе аристократизма духовной культуры и Церковь еще разъ, какъ въ началѣ средневѣковья, должна будетъ сохранить и пронести высшія достиженія духовной культуры черезъ время духовнаго варварства и огрубѣнія, черезъ обскурантизмъ цивилизаціи, не желающей ничего знать, кромѣ техники и внѣшняго строительства социальной жизни, цивилизаціи безбожной, а потому и безчеловѣчной. И борьба за Бога превратится въ борьбу за человѣка, за его личность, его духовную природу, его свободу, его высшее творческое призваніе.

Николай Бердяевъ.

Іюнь 1928 г.